

Эти слова прозвучали довольно двусмысленно, но именно такого эффекта и добивался Вэнь Жунь.

К тому же он только что что-то услышал?

Разве Ван Цзюнь не был «хуочжаном» (десятником)? С каких пор он стал «шичжаном» (десятником другого ранга)?

Ранее уже объяснялось: должности «хуочжан» и «шичжан» сильно отличаются!

Но сейчас не время копаться в деталях, поэтому он просто запомнил этот момент про себя.

— Сначала позаботься о конях! — приказал Чжан Сань заместитель командира Лу Фэн, указывая на своего любимого коня «Хунъянь».

— Есть! — Чжан Сань не посмел открыто ослушаться приказа, но как только они ушли, он поручил другому конюху ухаживать за недавно родившей кобылой, а сам тайком побежал к котловой команде в тылу лагеря.

Однако до того, как он туда добрался, Вэнь Жунь и его люди уже прибыли в лагерь котловой команды.

Этот лагерь сильно отличался от остальных: палатки здесь стояли по краям, а в центре огромной площадки стояло целых десятков огромных котлов!

Котлы были установлены на простых полевых очагах: внизу горели дрова, а сверху, похоже, варились какие-то продукты.

Возможно, это была обычная армейская похлёбка, а может, и рис... Хотя, если честно, рис, сваренный в таком большом котле, скорее напоминал густую кашу — редко получалось, чтобы зёрна оставались рассыпчатыми и превращались в настоящий «рис».

Главное, чтобы палочка, воткнутая в него, не падала — и ладно.

Еда здесь была самая что ни на есть примитивная.

Но если не есть это, то что есть?

Когда голоден, всё кажется вкусным. Лишь бы набить живот — никто не станет придираться.

В этом лагере и вовсе не до изысков.

Когда Вэнь Жунь с товарищами прибыли, около пятидесяти человек уже суетились, готовя обед.

Появление заместителя командира Лу Фэна даже не заставило никого прекратить работу — разве что некоторые слегка поклонились и бросили: «Заместитель командира Лу Фэн».

Ведь в главном лагере было несколько заместителей командиров, и не один из них носил фамилию Лу.

Поэтому обычно перед словом «заместитель командира» добавляли имя, чтобы не путать.

Как только они подошли, из тылового обоза вышел один человек. Он был уже в возрасте, с седыми волосами и бородой, одетый в самую обычную солдатскую форму.

В руках он держал огромные счёты, толстую бухгалтерскую книгу и кисточку. Дрожащей походкой он приблизился и спросил:

— Заместитель командира Лу Фэн, продовольствие и фураж уже прибыли? Если ещё нет, скоро совсем останемся без еды!

— Прибыли, прибыли! — Лу Фэн поспешил к нему. — Старый писарь, да ты что, хочешь себя заморить до смерти? Я же говорил, продовольствие обязательно придёт, нашей доли никто не урежет!

— Как же мне не проверять книги?! — старый писарь тут же завёл своё. — Эти червяки! Не пойму, как они ведут учёт — никаких явных следов хищений не видно! Прямо бесит меня, старика! Я всего лишь умею читать, а разбираться в бухгалтерии не умею. Вот они и пользуются этим, открыто воруют! Откуда у нас такой быстрый расход продовольствия? Таких негодяев надо наказывать!

— Да не говори так! — вздохнул Лу Фэн с озабоченным видом. — Накажем их — кто тогда будет вести учёт? Если бы нашли замену, разве мы позволили бы им так себя вести? Но наш главнокомандующий пока не может подыскать подходящего человека.

Вэнь Жунь удивлённо наблюдал за ними.

Лу Фэн, махнув рукой, строго произнёс:

— Это Вэнь Жунь, цзюйжэнь. Он привёз продовольствие и фураж. Передайте друг другу все документы и оформите приёмку. А я пойду доложу генералу, что продовольствие доставлено.

— Хорошо, — старый писарь перестал жаловаться и отпустил Лу Фэна. Затем он вежливо

поклонился Вэнь Жуню и представился: — Я писарь тылового обоза. Все зовут меня «старый писарь». Фамилию мою можно не упоминать. У вас есть официальные документы на продовольствие?

— Есть, — Вэнь Жунь почтительно протянул ему несколько бумаг.

В них подробно указывались типы зерна, количество фуража и прочие данные.

Старый писарь пробежался глазами по документам, позвал людей: зерно нужно было взвесить и отправить на склад. То же самое — с фуражом.

Вэнь Жунь занимался только передачей документов, а там уже кипела работа по взвешиванию и складированию зерна. В самый разгар суеты рядом раздался знакомый, но неуверенный голос:

— Вэнь Жунь?

Вэнь Жунь обернулся — перед ним стоял Ван Цзюнь!

Одежда Ван Цзюня, похоже, немного изменилась.

Форма «хуочжана» и «шичжана» действительно немного отличалась.

Вэнь Жунь не мог точно сказать, в чём именно разница, но различие определённо было.

— Ван Цзюнь, — мягко улыбнулся Вэнь Жунь, его взгляд был таким же тёплым и спокойным, как нефрит.

Ван Цзюнь вздрогнул:

— Как ты сюда попал?

Это был военный лагерь, причём тыловой — территория котловой команды, то есть, по сути, его собственная территория.

Хотя Ван Цзюнь сам не умел готовить, все его подчинённые отлично справлялись с этим. Теперь он уже «шичжан».

— Армия собирала продовольствие, и я привёз его сюда, — ответил Вэнь Жунь. — Заодно решил навестить тебя. Хотел узнать, где ты служишь.

На самом деле ему просто нужно было знать, где находится Ван Цзюнь.

Вдруг понадобится что-то срочно передать или решить вопрос?

Раньше, не видев Ван Цзюня, он мог делать вид, что тот погиб героической смертью на поле боя. Но раз человек жив — нужно поддерживать связь.

— Ты пришёл... навестить меня? — Ван Цзюнь был ошеломлён.

Он ведь совсем недавно побывал дома и успокоился: брат и сёстры явно жили неплохо. Хотя Вэнь Жунь для него всё ещё был чужим человеком, этот «чужак» отлично ладил с его младшими братьями и сёстрами. Дом даже перестроили из кирпича и черепицы, земли прибавилось, а двоюродный брат даже тайком признался ему: «Братец, твой муж уже накопил для меня кое-какой капитал. Даже если в будущем я женюсь и отделись, у меня будет солидная основа для жизни».

Всё уже хорошо. Очень даже хорошо.

Ван Цзюнь не был человеком, гонящимся за недостижимыми мечтами. Он проявлял такую жёсткость и решимость лишь потому, что хотел выжить. Даже в армии он не стремился быть тем, кто первым бросается в атаку — ведь если погибнешь, тебя завернут в циновку и закопают где-нибудь на поле боя, ну разве что семье выдадут три-пять лянов серебра на похороны.

Он хотел просто выжить в армии... по-настоящему выжить.

Именно исходя из этого убеждения, после возвращения домой он принял участие в операции по зачистке горных бандитов. Хотя он и служил в котловой команде, ему всё же удалось как-то добыть немного воинской заслуги и даже был повышен до «шичжана» в тыловой котловой команде.

Теперь его уже не посылали бездумно на задания, откуда не возвращаются!

Ведь в тыловой котловой команде должность «шичжана» считалась уже весьма высокой — он напрямую отвечал за пропитание всего лагеря. Кто же посмеет отправить его на передовую, если за еду в тылу некому будет отвечать?

Поэтому Ван Цзюнь был вполне доволен своим новым статусом.

Когда он увидел Вэнь Жуня, удивления в нём было больше, чем радости. Но как только Вэнь Жунь сказал, что пришёл специально навестить его, сердце Ван Цзюня сразу потеплело.

Глаза даже слегка заслезались.

Он никогда и не думал, что кто-то приедет в армию, чтобы увидеться с ним.

Брат и сёстры ещё слишком малы... А Вэнь Жунь? Вэнь Жунь всегда относился к нему куда отстранённее, чем к его младшим братьям и сёстрам.

Он прекрасно понимал мотивы Вэнь Жуня: разве бы обычный молодой суйцай, живший спокойной учёной жизнью, добровольно заключил братский союз с бедным деревенским парнем — солдатом-неграмотой, если бы не вынудили обстоятельства?

Даже если бы Вэнь Жуню обязательно нужно было выбрать себе брата-мужчину, он бы, скорее всего, предпочёл кого-нибудь близкого по духу — поэта, с которым можно читать стихи и обсуждать литературу.

Он и представить не мог, что кто-то приедет навестить его. Других солдат навещали родные, но это были в основном офицеры. А его брат и сёстры? Когда они вырастут, может, и приедут... Но он сам не хотел этого.

Здесь и так не хватало людей: одни уходили на фронт, а обратно почти никто не возвращался. Людей не хватало, продовольствия тоже.

Но увидев Вэнь Жуня и услышав, что тот приехал именно ради него, сердце Ван Цюня вдруг запылало теплом.

— Конечно! А иначе зачем бы я привёз сюда продовольствие? — Вэнь Жунь, взглянув на его растроганное лицо, сразу понял, что Ван Цюнь глубоко тронут. Но он приехал не для того, чтобы вызывать у него эмоции, а чтобы убедиться, где тот находится. Правда, об этом вслух говорить было нельзя. Поэтому он просто махнул рукой: — Я ещё кое-что тебе привёз. Где твоя палатка?

— Там, сзади. Теперь я шичжан, у меня есть своя маленькая палатка, — немного растерянно повёл Ван Цюнь Вэнь Жуня к своему жилищу.

— Неплохое положение у шичжана — даже отдельная палатка! — заметил Вэнь Жунь. Жить одному в палатке и ютиться вместе с десятком других солдат — это две большие разницы.

Однако, когда они добрались до места, оказалось, что «маленькая» палатка Ван Цюня и вправду крошечная — размером примерно с двухместную палатку, к которой Вэнь Жунь привык в прошлой жизни.

Палатки в древности сильно различались в зависимости от региона и не были такими разнообразными и функциональными, как в прошлой жизни Вэнь Жуня.

У кочевников Севера их делали в основном из бычьих или овечьих шкур: ведь там стояли

суровые холода, и палатки должны были не только защищать от дождя и ветра, но и сохранять тепло, быть максимально прочными.

А здесь, в центральных районах Поднебесной, использовали простую неокрашенную холстину, похожую на джинсовую ткань. Чтобы сделать её пригодной для палатки, её на несколько дней замачивали в тунговом масле, а затем покрывали сверху жиром. Вэнь Жуню казалось, что такой способ неплохо защищает от ветра и влаги, но как насчёт огня?

Неудивительно, что в древности враги так часто нападали ночью, стреляя зажигательными стрелами — ведь такие палатки горели, как сухая солома!

Говорят, на юго-западе палатки были ещё интереснее: их плели из бамбуковых и ротанговых прутьев. Из-за обилия рек и озёр там часто устанавливали палатки прямо на бамбуковые плоты. Когда нужно было двигаться дальше — просто отталкивались и уплывали, унося палатку с собой. А для временной стоянки плот просто привязывали к берегу — удобно и очень мобильная система.

Палатка Ван Цзюня была как раз из такой пропитанной тунговым маслом холстины, дополнительно покрытой жиром. Она стояла на сухом месте, рядом — несколько стогов сена и поленница дров.

Вэнь Жунь откинул полог у входа и заглянул внутрь... и тут же понял, что словами это не опишешь.

Хотя палатка и была предназначена для одного человека, места в ней было мало, да ещё и половина пространства была занята разными вещами.

Чем именно?

Каркас палатки был деревянный, и на половине стоек висели куски солёного мяса.

Не копчёного, а именно солёного.

Для его приготовления свежее мясо обильно посыпали солью, тщательно перетирали и подвешивали в проветриваемом месте. Такое мясо не портилось, а соль постепенно впитывалась внутрь.

— Это всё наше солёное мясо из тылового обоза, — с гордостью похвастался Ван Цзюнь. — Я лично за ним слежу. Каждый раз, когда варим еду, снимаю с крюка один кусок, режу на десяток ломтиков и бросаю в котёл. Ещё добавляем туда большую ложку соли — и готово!

Потом просто закидывают нарезанные овощи и варят до готовности.

Вот и вся еда.

Вэнь Жуню стало невыносимо жаль его:

— Так ведь в этой еде совсем нет жира?

Представьте огромный котёл — такой, что в нём можно было бы искупаться! — и в нём всего лишь один кусок солёного мяса размером с кулак... Даже если нарезать его тонко, сколько от него будет жира?

Даже масляного пятнышка не увидишь!

— Что поделать? Это уже считается неплохо. Вы как раз вовремя привезли продовольствие — иначе через несколько дней мы бы совсем остались без еды, — Ван Цзюнь взглянул на свою походную койку и неловко засуетился: — Сейчас приберусь немного.

На койке лежал только один комплект постельного белья и бамбуковая подушка.

Но перед койкой стоял примитивный шкафчик, на котором лежали его личные вещи. Вэнь Жунь сразу узнал одежду и предметы, привезённые из дома.

Еда, конечно, давно съедена, но остались разноцветные коробочки и шкатулки, в которых раньше хранились сушёные фрукты и вяленое свиное мясо.

Выбросить их он так и не смог.

Кроме койки, в палатке стояли только этот простенький шкаф, деревянный чурбак вместо табурета и грубый столик. На столе — большая глиняная миска, стопка из семи-восьми тонких, но грубых фарфоровых мисок и ещё одна чуть побольше.

Рядом — бамбуковый цилиндр с палочками для еды.

Даже котелка для воды нет, не говоря уже о чае.

Здесь было так бедно обустроено, что разве что чуть лучше, чем у нищего.

Вэнь Жуню стало больно на глаза: разве это место для солдат? В прошлой жизни он видел множество новостей и фильмов — там армейские казармы были современными, некоторые даже не уступали гостиницам и отелям!

Не то что еда и одежда — сам быт здесь был настолько тяжёлым, что Вэнь Жуню едва выносил

это зрелище.

Ван Цзюнь быстро прибрал свою койку и теперь стоял, переминаясь с ноги на ногу, робко глядя на Вэнь Жуня:

— Может, ты пока подождёшь снаружи? У меня тут... не на что смотреть.

Палатка была пропитана жиром из-за висящего солёного мяса, да и запах стоял не самый приятный.

Ван Цзюнь вспомнил, как они возвращались домой: там всё было крепко, красиво, чисто и уютно, в доме витал лёгкий аромат. После того как они приняли ванну и улеглись в постель, всё ещё чувствовался тонкий цветочный запах.

Когда они трое вернулись в отряд, их даже похвалил снабженец, сопровождавший их: мол, явно побывали дома, где их встретили с большой заботой и хорошенько вымыли.

Иначе не стали бы такими чистыми.

На самом деле в армии, особенно в тылу, нормой считалось быть весь в жире и грязи — если вдруг кто-то появлялся чистым и опрятным, это пугало всех до смерти!

Теперь, увидев Вэнь Жуня, Ван Цзюнь впервые по-настоящему задумался о собственной гигиене — и понял, что всё очень плохо.

Увы, было уже поздно... Вэнь Жунь уже здесь.

— Нет, я посижу у тебя немного, — Вэнь Жунь ничуть не показал недовольствия, лишь почувствовал, как тяжело живётся его другу. — Как ты здесь... живёшь? Нормально?

В такой крошечной палатке им было тесно, да и неловкость витала в воздухе.

— Да нормально... как-нибудь живём, — что ещё мог сказать Ван Цзюнь? Его требования были минимальны — просто выжить.

Вэнь Жунь без церемоний сел прямо на его койку — впрочем, это и было самое чистое место в палатке.

Он уже собрался что-то сказать, как вдруг полог у входа откинулся, и внутрь вошёл человек.